

И.В. Нетушил

**Журнал Министерства Народного
Просвещения**

Часть 339

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И.В. Нетушил**
Журнал Министерства Народного Просвещения: Часть 339 / И.В. Нетушил – М.: Книга по Требованию, 2014. – 125 с.

ISBN 978-5-4241-9690-4

Журнал Министерства Народного Просвещения

ISBN 978-5-4241-9690-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

устранивъ своей критикой ²⁾ пѣсенную теорію Нибура ³⁾ и поставивъ вопросъ на обще-мифологическую почву, сохранилъ безъ измѣненія взглядъ Нибура на легенду о близнецахъ, какъ на древнѣйшее достояніе римскаго народа. Исходя изъ предположенія, что значительная часть римскихъ сказаній представляла собою такъ называемыя этиологическія мифы, т. е. сказанія, возникшія съ цѣлью объяснить какой либо обычай, обрядъ, праздникъ, мѣсто или памятникъ, Шweglerъ (стр. 424) полагалъ, что источникомъ возникновенія легенды о близнецахъ и ихъ чудесномъ спасеніи при участіи волчицы послужило народное толкованіе изображенія руминальскаго волчицы, которая въ дѣйствительности имѣла, напротивъ, значеніе символа богини Румины. Перетолкованіе памятника, по мысли Шweglera, обуславливалось съ одной стороны сходствомъ имени *Romulus* съ именемъ *Rumina*, а съ другой—тѣмъ, что имя *Romulus* могло быть принимаемо, согласно этимологіи, въ смыслѣ „сосунъ“. На этомъ основаніи дѣти, находившіяся подъ руминальскою смоковницею, были отождествлены съ Ромуломъ—сосуномъ и его братомъ Ремомъ, а отсюда уже сложилось сказаніе о чудесномъ спасеніи обоихъ ⁴⁾. Считая такимъ образомъ это сказаніе народно-римскимъ продуктомъ и пытаясь возстановить его въ возможно древнѣйшемъ видѣ, Шweglerъ выбираетъ изъ разныхъ вариантовъ то, что обнаруживаетъ наиболѣе мифологическую окраску ⁵⁾, вслѣдствіе чего предполагаемый древнѣйшій составъ легенды состоитъ, между прочимъ, изъ слѣдующихъ чертъ: Марсъ за-

²⁾ *Schwegler Röm. Gesch. I, стр. 53—63. Ср. В. И. Модестова, Поэзія въ римской исторіи (Ж. М. Н. Пр. 1897 мартъ, стр. 90 сл. и 126 сл.)*

³⁾ Противъ предположенія о древне-народномъ римскомъ эпосѣ еще раньше Шweglera высказался, напр. *W. Corssen, Origines poesis Romanae, 1816, стр. 162 сл.* Напротивъ, *O. Ribbeck (Geschichte der römischen Dichtkunst I, стр. 8)* снова возвращается къ оставленной теоріи Нибура. *В. И. Модестовъ и Е. Pais (Storia di Roma I, стр. 8)* справедливо выдвигаютъ засвидѣтельствованныя Катонемъ *carmina convivalia* (о которыхъ ср. *В. Корссенъ I. с. 112 сл.*), въ то время какъ *Корссенъ (I. с. 181 сл.)* обращалъ вниманіе на пѣсни, расцвѣтшія въ дни религиозныхъ празднествъ, для которыхъ, однако, нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Позднѣйшія *carmina triumphalia* (*Корссенъ 133 сл.*) можно признать до нѣкоторой степени переживаніемъ старыхъ *carmina convivalia*. См. гл. XV прим. 16.

⁴⁾ Подобную мысль высказалъ недавно *Е. Aust Religion der Römer (стр. 738 прим. 1)*. Проникновеніе волчицы въ легенду о близнецахъ онъ считаетъ возможнымъ объяснить въ видѣ этимологической легенды, основанной на перетолкованіи слова *lupercal* (dem Bestreben, den Namen der Cultstätte zu deuten, verdankt die Legende von der Säugung der Gründer Roms durch eine Wölfin ihren Ursprung).

⁵⁾ Шweglerъ I. с. 384 прим. 1.

стаетъ весталку *Рео Сильвию* въ пещеръ, въ которой она искала убій-
жища, спасаясь отъ волка; она умираетъ сейчасъ послѣ рожденія
младенцевъ, будучи брошена въ рѣку, божъ которой дѣлаетъ ее своей
сестрой; корыто съ малютками останавливается около смоковницы;
жена Фаустула называется *Аккой Ларенціей*; въ товарищи Ромулу и
Рему даются *Квинтилии и Фабии* и т. п. Изъ дальнѣйшаго будетъ
видно, что подчеркнутыя нами черты мнимаго древнѣйшаго состава
легенды являются, наоборотъ, болѣе или менѣе поздними видоизмѣ-
неніями и дополненіями основной редакціи этого разсказа. Впрочемъ,
малое вниманіе къ хронологическому различію матеріала составляетъ
одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ недостатковъ миеологическихъ
ислѣдованій. Этотъ же недостатокъ обнаруживается и у преемника
Шнеглера, *А. Эманна* ⁶⁾, который, принимая этиологическій характеръ
легенды о Ромулѣ и Ремѣ, считаетъ ее выработавшеюся въ коллегіи
луперковъ, въ связи съ культомъ Луперка ⁷⁾; а между тѣмъ луперки
и ихъ праздникъ появляются въ легендѣ о Ромулѣ и Ремѣ только
уже въ вѣкъ Суллы у анналиста Кв. Элія Туберона (Dion. 1,80), да
и самый луперкаль не составляетъ исконной части этой легенды.

Этиологическимъ миеомъ считаетъ легенду о близнецахъ и *Момм-
зенъ* ⁸⁾, но только онъ приурочиваетъ возникновеніе ея не къ области
сакральныхъ учреждений, какъ Эманнъ, а, напротивъ, къ свѣтскому
быту государственнаго строя. По мнѣнію Моммзена, въ легендѣ сперва
былъ одинъ только Ромулъ. Этотъ образъ единоличнаго, первоначаль-
но, основателя Рима, въ періодъ времени между изгнаніемъ царей
и самнитскими войнами, раздвоился путемъ присоединенія къ нему
брата Рема, а именно во вниманіе къ двойственности консульской
власти, ради ея выясненія и освѣщенія.

Новый путь къ объясненію легенды о рожденіи и судьбѣ близне-
цовъ предложенъ былъ *А. В. Шлегелемъ* ⁹⁾, который впервые усмо-
трѣлъ въ этой легендѣ не продуктъ народнаго творчества, а, напро-
тивъ, литературный вымыселъ, и притомъ не римскій вымыселъ. Осно-

⁶⁾ *А. Эманнъ*, Легенда о римскихъ царяхъ, ея происхожденіе и развитіе, С.-Пб. 1896, стр. 21 сл.; Zeitschrift für alte Geschichte 1, 1, 96.

⁷⁾ Впрочемъ, это объясненіе предлагалъ еще *Корссенъ*, Origines poesis Romanae (стр. 183).

⁸⁾ *Th. Моммзенъ* Remuslegende (Hermes 1881 стр. сл.). Впрочемъ, толкованіе Моммзена, не вытекаая непосредственно изъ рассмотрѣннаго имъ матеріала, пристегнуто къ нему довольно слабо.

⁹⁾ См. Шнеглера 1, 411 сл.

вываясь на сообщеніи Плутарха (Rom. 8,15), Шлегель видѣлъ въ этой легендѣ „греческій романъ“, составлявшій литературную собственность греческаго писателя Діокла. Литературное происхождение легенды принималъ и историкъ Ранке ¹⁰⁾, но значительно иначе, чѣмъ Шлегель. Обративъ вниманіе на драматическій характеръ легенды и находя въ обстоятельствахъ опознанія обонхъ братьевъ-близнецовъ значительное сходство съ развязкой Еврипидовой драмы „Іонъ“, Ранке высказываетъ предположеніе, что Фабій Пикторъ для изложенія своего разсказа о близнецахъ Ромуль и Ремъ пользовался драмой своего современника Певія, озаглавленной „Alimonia Remi et Romuli“. Къ мнѣнію Ранке примкнулъ и О. Риббекъ ¹¹⁾. Напротивъ, Триберъ ¹²⁾ комбинируетъ мнѣніе Ранке съ мнѣніемъ Шлегеля. Согласно съ послѣднимъ, также и Триберъ считаетъ авторомъ легенды греческаго писателя Діокла Пепарискаго. Но только Діоклъ не могъ быть историкомъ, какъ принято обыкновенно думать, а, напротивъ, драматическимъ писателемъ, такъ какъ въ разсказѣ о близнецахъ заключаются всѣ существенные признаки драмы. Развивая подробно свою мысль, Триберъ находитъ, что драма Діокла о близнецахъ Ромуль и Ремъ составлена была по образцу Софокловой трагедіи о Тирѣ.

Возражая противъ Шлегеля, Швеглеръ ¹³⁾ оспариваетъ горячо самую возможность думать, что легенда о близнецахъ, основателяхъ Рима, не римскаго происхожденія, а греческаго. Въ отличіе отъ него, Моммзенъ допускаетъ, напротивъ, весьма значительную долю участія грековъ въ выработкѣ легенды о началахъ Рима ¹⁴⁾. Въ частности исторію молодости Ромула и Рема Моммзенъ считаетъ прямо передѣланной по греческому образцу. Относительно же причастности къ этому дѣлу Діокла Пепарискаго Моммзенъ предлагаетъ такую комбинацію ¹⁵⁾: Діоклъ былъ ровесникъ и, быть можетъ, даже другъ Фабія Пиктора, который изъ любезности и упомянулъ въ своихъ

¹⁰⁾ Monatsberichte der Academie der Wissenschaften zu Berlin 1849, III, 238 сл. Weltgeschichte III, 2, 108 сл.

¹¹⁾ O. Ribbeck Geschichte der röm. Dichtkunst I, 21 сл.

¹²⁾ C. Trieber Die Romulussage (Rhein. Mus. 1888 стр. 569 сл.).

¹³⁾ См. гл. XIII.

¹⁴⁾ Cp. Röm. Forsch. II, 280: Selbst für die Gestaltung der Gründungsgeschichte ist die Stellung des ältesten röm. Geschichtsschreibers (т. е. Фабія Пиктора) zu dem Hellenenthum vermuthlich folgenreich gewesen.—Röm. Gesch. I^o, 466 : Dass bei der ältesten Aufzeichnung der Ursprünge Roms auch der Hellenismus seine Hand im Spiele hatte, ist kaum zu bezweifeln.

¹⁵⁾ Röm. Forsch. II, 279, прим. 82.

анналахъ объ этомъ греческомъ писателѣ, хотя самъ не придерживался его разсказа ¹⁶⁾. Легенду о римскихъ близнецахъ Діокль узналъ черезъ Невія или изъ устныхъ разсказовъ римлянъ.

Новѣйшій историкъ Рима, *Гекторъ Паисъ* ¹⁷⁾, считаетъ Діокла историкомъ конца 4-го столѣтія до Р. Хр., но при этомъ указываетъ и на *carattere tragico della storia di Romulo e Remo* (стр. 401). Драматическій характеръ этой легенды Паисъ объясняетъ не заимствованіемъ изъ какой либо драмы, а тѣмъ, что греческіе историки того времени вообще усвоили разные приемы драматической повѣсти (стр. 211 прим.). Легенда о римскихъ близнецахъ (стр. 202—215) возникла въ видѣ передѣлки на римскій ладъ подобной греческой легенды, ходившей у грековъ въ многочисленныхъ вариантахъ и въ приуроченіи къ разнымъ городамъ. Самъ по себѣ—*il mito è puramente greco* (стр. 208). На римской почвѣ въ этотъ мифъ внесены лишь кое-какія второстепенныя черты италійскаго быта (стр. 212), каковы: наименованіе отца близнецовъ Марсомъ, появленіе въ легендѣ священныхъ животныхъ Марса (*lupus* и *picus*), имя кормилицы *Assa Larentia* и ученіе Ромула и Рема въ Габіяхъ.

При такомъ разнообразіи взглядовъ не лишне будетъ всмотрѣться въ самый текстъ легенды въ томъ видѣ, какъ она читается у римскихъ и греческихъ историковъ, и прежде всего въ двухъ главныхъ нашихъ источникахъ по этой легендѣ, у Плутарха и Діонисія Аликарнасскаго, разсказъ которыхъ восходитъ къ Діоклу Пепариескому, у перваго непосредственно, у втораго—посредственно, черезъ Фабія Пиктора.

II. Плутархъ и Діонисій-Фабій въ ихъ отношеніяхъ къ Діоклу и между собой.

Преимущественное значеніе Плутарха и Діонисія въ разборѣ легенды о римскихъ близнецахъ заключается не только въ томъ, что оба писателя излагаютъ эту легенду самымъ подробнѣйшимъ образомъ, но еще болѣе въ томъ, что начало и конецъ легенды у обоихъ писателей сопровождаются историко-литературными указаніями на источники, выдѣляющими эту легенду какъ одно особое цѣлое и обставляющими ее такими условіями, въ какихъ не находится никакая другая часть царской легенды.

¹⁶⁾ L. c.: zwar sicherlich nicht zu Grunde gelegt, aber doch erwähnt hat.

¹⁷⁾ *Ettore Pais Storia di Roma I*, 1898.

остальныхъ римскихъ историковъ. Правда, этому заявленію Плутарха Нибуръ и Шwegлеръ *) не доврѣяли настолько, что послѣдній даже думалъ, что въ дѣйствительности могло быть какъ разъ наоборотъ: не Фабій пользовался Діокломъ, а, напротивъ, Діоклъ Фабіемъ. Оспаривая такое произвольное предположеніе, Моммзенъ †) съ своей стороны также находитъ заявленіе Плутарха не совсѣмъ точнымъ. По его мнѣнію, Плутархъ вовсе не пользовался ни Діокломъ, ни даже Фабіемъ, а, найдя въ имѣвшемся у него подъ руками источникѣ, какимъ могъ быть одинъ изъ позднѣйшихъ римскихъ анналистовъ, замѣчаніе о Діоклѣ Пепареоскомъ, Плутархъ самъ отъ себя вывелъ заключеніе, что Діоклъ послужилъ образцомъ для Фабія. Однако эта комбинація Моммзена столь же произвольна, какъ и мнѣніе Шwegлера. Кромѣ того, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Фабію нельзя сомнѣваться въ томъ, что *Плутархъ зналъ анналы Фабія* и пользовался ими. Можно колебаться только относительно объема, въ какомъ Плутархъ черпалъ непосредственно изъ Фабія ‡). Самъ онъ, кромѣ легенды о близнецахъ, ссылается на Фабія въ біографіи Ромула еще только одинъ разъ, въ гл. XIV, 1 (по поводу похищенія сабинянокъ), сообщая хронологическую дату, отсутствующую у Діонисія.

Біографіи Ромула и Нумы вообще производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто Плутархъ, помимо другихъ пособій, въ томъ числѣ и подлинныхъ анналовъ Фабія, при составленіи означенныхъ біографій главнымъ образомъ *имѣлъ передъ собою Діонисія §)*, съ текстомъ котораго онъ и справлялся постоянно, съ тою цѣлью, чтобы его, Плутарха, изложеніе вышло не только иначе по формѣ, но и лучше по содержанию. Въ первомъ отношеніи невольно бросается въ глаза, что въ легендѣ о близнецахъ то, что у Діонисія изложено подробно, передается Плутархомъ сжато или даже совсѣмъ опускается, а, наобо-

*) Шwegлеръ, I, 414; Нибуръ 1⁴, 222 сл.

†) Röm. Forsch. II, стр. 280 прим.

‡) Такъ напримѣръ С. А. А. Schmidt (De fontibus Plutarchi in vitis Romuli et Remi, стр. 12) полагаетъ, что вездѣ тамъ, гдѣ въ біографіи Ромула рассказъ Плутарха сходенъ съ рассказомъ Ливія, оба эти писателя одинаково пользовались Фабіемъ. Противъ такого широкаго пользованія анналами Фабія возражаетъ Н. Peter (Die Quellen des Plutarch in den Biographien der Römer, стр. 154); однако въ частности для біографіи Ромула самъ Петеръ (стр. 172) причисляетъ Фабія къ главнымъ источникамъ Плутарха, а для исторіи Тарпен (стр. 155) не находитъ никакого другого источника, кромѣ Фабія.

§) О томъ, что Плутархъ вообще пользовался усердно Діонисіемъ, см. Н. Peter l. c. стр. 112.

ротъ, то, чего нѣтъ у Діонисія или изложено коротко или не такъ, то передается съ большой подробностью. Что же касается содержания, то въ гл. XVI (§§ 14—16) біографіи Ромула Плутархъ открыто полемизируетъ съ Діонисіемъ, опровергая его сообщеніе (2, 35) о томъ, что Ромуль во время триумфа ѣхалъ на колесницѣ. Чаше однако, Плутархъ оппонируетъ Діонисію только косвеннымъ образомъ¹⁰⁾. Такая косвенная полемика съ Діонисіемъ заключается и въ заявленіи Плутарха относительно Діокла. Въ то время какъ Діонисій указывалъ на то, что первоисточникомъ легенды о близнецахъ является Фабій Пикторъ, котораго придерживались (ἠκολούθησαν) послѣдующіе писатели, Плутархъ въ свою очередь сгнѣшитъ заявить, что Фабію Пиктору вовсе нельзя приписывать характера первоисточника, такъ какъ и онъ черпалъ свой рассказъ изъ болѣе ранняго писателя, а именно Діокла Пенариеческаго. Эта замѣтка историко-литературнаго характера вызвана присутствіемъ такихъ же замѣтокъ у Діонисія, съ цѣлью противопоставить послѣднимъ болѣе вѣрныя свѣдѣнія.

Сочиненіе Діонисія, такимъ образомъ, для Плутарха имѣло вообще только значеніе пособія. Въ качествѣ же источниковъ при изложеніи легенды о близнецахъ въ рукахъ у Плутарха находились съ одной стороны анналы Фабія, на которыхъ, впрочемъ, основанъ и рассказъ Діонисія, а съ другой стороны — сочиненіе Діокла Пенариеческаго. Таковъ, по крайней мѣрѣ, прямой и ясный смыслъ словъ Плутарха, съ которымъ долженъ считаться всякій, кто не желаетъ оспаривать личную добросовѣстность этого писателя. Словами „καὶ Φαβίου λέγοντος καὶ τοῦ Πεναρηθίου Διοκλέους“ параллельность обоимъ писателямъ подчеркивается съ такою рельефностью, которая возможна только въ томъ случаѣ, если авторъ самъ сличалъ текстъ Фабія съ текстомъ Діокла. А что эти тексты, въ моментъ составленія біографіи Ромула, дѣйствительно находились въ рукахъ Плутарха, въ этомъ убѣждаетъ насъ грамматическая форма перфекта въ слѣдующихъ словахъ: Διοκλῆς Πεναρῆθιος, ᾧ καὶ Φάβιος ὁ Πίκτωρ ἐν τοῖς πλείστοις ἐπηκολούθηκε. Такъ какъ формой перфекта выражается настоящій результатъ совершившагося дѣйствія, то смыслъ формы ἐπηκολούθηκε таковъ: „Что Фабій въ самомъ дѣлѣ ἐπηκολούθησε, это я вижу изъ находящихся [теперь] передо мною сочиненій Фабія и Діокла, при сличеніи которыхъ я и нахожу [теперь] зависимость перваго отъ втораго“. Ср. такое же

¹⁰⁾ Ср. на примѣръ А. Barth, De Iubae ἰμοιότητιν а Plutarcho expressis, стр. 11 сл. (относительно Qu. R. 78).

употребленіе перфектовъ ἰσότηται, γέγραφεν, εἴρηται въ выше приведенныхъ цитатахъ изъ Діонисія. Такому пониманію словъ Плутарха не противорѣчитъ выраженіе δοχεῖ въ заявленіи: ὅς δοχεῖ πρῶτος ἐκδοῦναι Ῥώμης κτίσιν. Выраженіе δοχεῖ относится здѣсь только къ тому слову, передъ которымъ оно стоитъ, т.-е. πρῶτος, такъ что πρῶτος δοχεῖ=„первый, насколько мнѣ извѣстно“, „первый, если не ошибаюсь“. вмѣстѣ съ тѣмъ изъ слова „δοχεῖ“ явствуется, что Плутархъ не находилъ у Діокла указаній на то, откуда онъ самъ взялъ эту легенду, а потому и Плутархъ оставилъ этотъ вопросъ открытымъ, хотя, по видимому, полагалъ, что Діоклъ только пересказывалъ въ этомъ случаѣ римскую легенду. Последнее можно заключить изъ словъ πρῶτος εἰς τοὺς Ἑλληνας.

Изъ словъ Плутарха, далѣе, вытекаетъ, что сочиненіе Діокла не было драмой и что, слѣдовательно, *нельзя говорить о драматическомъ писателѣ Діоклѣ*. Но только это не слѣдуетъ изъ тѣхъ словъ, на которыя указываетъ Триберъ, а по его примѣру и Паисъ ¹¹⁾, именно: τοῦ λόγου τὰ χοριώτατα, такъ какъ подъ выраженіемъ: „главнѣйшія — (существеннѣйшія) части разсказа“ можно разумѣть тотъ основной остовъ легенды, о которомъ будетъ рѣчь ниже (гл. III), въ отличіе отъ разныхъ позднѣйшихъ дополненій и видоизмѣненій. Вполнѣ ясное указаніе заключается, напротивъ, въ словахъ: ὅποσον μὲν εἰσὶς ἐστὶ τὸ δραματικὸν καὶ πλασματικόν (с. 8 кон.). Если бы Плутархъ имѣлъ въ рукахъ драму Діокла, то не зачѣмъ было бы ему ссылаться на мнѣніе другихъ о драматическомъ характерѣ разсказа, изъ-за котораго послѣдній казался подозрительнымъ. Такъ могъ говорить только тотъ, кто имѣлъ передъ собой если и не прозаическую, какъ полагаетъ Паисъ, то во всякомъ случаѣ не драматическую работу Діокла.

Къ этому присоединяется еще то, что Плутархъ въ своихъ „Греческихъ вопросахъ“ ¹²⁾ приводитъ заглавіе сочиненія (или одного изъ сочиненій) Діокла въ слѣдующемъ видѣ: Διοκλῆς ἐν τῷ περὶ ἠρώων συντάγματι, „въ сочиненіи о ἠρώες“, вмѣсто чего возможно читать также: περὶ ἠρώων, „въ сочиненіи о ἠρώα“. Въ пользу чтенія ἠρώων (отъ ἠρώες) говоритъ заглавіе 40-го греческаго вопроса: τίς Κῶνστος, ἠρώς ἐν Ταναάρα; Ореографія ἠρώων объясняется тѣмъ, что передъ ссылкой на Діокла была рѣчь о *святыницѣ* Танагрскаго ἠρώς-а. Какъ бы ни

¹¹⁾ Триберъ Rhein. Mus. 1888, стр. 578 прим. 2; Паисъ Storia di Roma I, I, 211 прим. 1.

¹²⁾ Plut. Qu. graec. 40: ἀναφέρει δὲ καὶ Διοκλῆς ἐν τῷ περὶ ἠρώων συντάγματι δόγμα Ταναγραίων περὶ ὧν ὁ Κλειδῆμος ἀπήγγελεν.

читать, такое заглавіе въ крайнемъ случаѣ могло бы указывать на миеологическу поэму, подобную Овидіевымъ *Метаморфозамъ* ¹³⁾. Но болѣе правдоподобно, что это было прозаическое сочиненіе полумистическаго, полумиеологическаго характера, состоявшее изъ ряда рассказовъ о разныхъ *ἥρωες*, въ томъ числѣ и мистическихъ или полумистическихъ основателей городовъ. Одна изъ главъ этого сочиненія и могла быть посвящена разсказу объ основателяхъ города Рима, подъ названіемъ „*Ῥώμης κτίσις*“, въ томъ объемѣ, начало и конецъ котораго у Плутарха отмѣнены именемъ Діокла. Если же сочиненіе Діокла въ самомъ дѣлѣ трактовало только объ одной частицѣ царской легенды, то не удивительно, что Діонисій (1,72), перечисляя авторовъ по исторіи Рима вообще, не упомянулъ о Діоклѣ, какъ не имѣющемъ такого общаго значенія для римской исторіи.

Заявленіе Плутарха о Діоклѣ само по себѣ достаточно ясно. Тѣмъ не менѣе *Петеръ* ¹⁴⁾ не считаетъ это волюнтарно убѣдительнымъ доказательствомъ того, что самъ Плутархъ имѣлъ въ рукахъ цитруемаго имъ автора. *Петеръ* указываетъ на обычай древнихъ авторовъ, въ случаѣ если въ имѣвшемся въ ихъ распоряженіи сочиненіи упоминалось о болѣе древнемъ авторѣ, цитировать имя этого послѣдняго взаимно того, которымъ дѣйствительно пользовались. Одинъ, по мнѣнію *Петера* несомнѣнный, примѣръ этого рода встрѣчается и у Плутарха въ биографіи Катона младшаго въ слѣдующемъ мѣстѣ (с. 37):
 ὁ μὲντοι Μουνάτιος οὐκ ἀπιστία τοῦ Κάτωνος ἀλλ' ἐκείνου μὲν ὀλιγορία πρὸς αὐτὸν, αὐτοῦ δὲ τιμὴ ζηλοτοπία πρὸς τὸν Κανίδιον ἱστορεῖ γενέσθαι τὴν ὀργήν. καὶ γὰρ αὐτὸς σύγγραμμα περὶ τοῦ Κάτωνος ἐξέδωκεν ᾧ μάλιστα Θρασείας ἐπηκολούθησε. На первый взглядъ казалось бы, что Плутархъ пользуется Мунаціемъ, а имя *Θρασείας* Пета приводится только въ видѣ историко-литературной замѣтки. Въ дѣйствительности же, по мнѣнію *Петера*, было наоборотъ: Плутархъ пользовался сочиненіемъ *Θρασείας*, въ которомъ и нашель указаніе на то, что послѣдній придерживался преимущественно Мунація. Примѣняя это же наблюденіе и къ ссылкѣ на Діокла, *Петеръ* приходитъ къ заключенію ¹⁵⁾, что Плутархъ пользовался собственно *Φαβίου*, у котораго и нашель сообщаемое имъ извѣстіе о томъ, что римскій анналистъ въ разсказѣ о близнецахъ придерживался Діокла Пепарнескаго. Хотя вопросъ о

¹³⁾ Ср. *Zusammenh. Gesch. der griech. Litteratur in der Alexandrinerzeit*, 1, стр. 375 сл.

¹⁴⁾ *H. Peter, Die Quellen Plutarchs*, стр. 65 и 149.

¹⁵⁾ *I. c.*, стр. 150.

происхожденіи легенды о римскихъ близнецахъ этимъ нисколько не измѣняется, а, напротивъ, еще болѣе подкрѣпляется зависимость Фабія и прочихъ анналистовъ отъ греческаго писателя Діокла, тѣмъ не менѣе выводъ Петера, представляющій собою только одну возможность, является не вполне убѣдительнымъ, насколько Петеръ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, ссылается на сходство разсказа Плутарха съ разсказомъ Фабія (у Діонисія). Въ томъ-то и дѣло, что сходство касается только основа разсказа, указывающаго на одинъ общій источникъ обоихъ, въ то время какъ самое изложеніе редактировано такъ, что можетъ быть объяснено только самостоятельнымъ знакомствомъ съ даннымъ источникомъ со стороны каждаго изъ нихъ. Притомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ Плутархъ отличается отъ Діонисія-Фабія, генетическое преимущество находится на сторонѣ сообщаемой Плутархомъ версіи, что опять-таки можетъ быть объяснено только тѣмъ, что Плутархъ черпалъ непосредственно изъ подлинника Діокла, въ то время какъ Діонисій бралъ свой матеріалъ изъ Фабія, да и то не исключительно, а только въ видѣ, такъ сказать, „средняго вывода“ изъ Фабія и всѣхъ прочихъ анналистовъ, придерживавшихся Фабіа—οἱ περὶ τὸν Φάβιον. Не безразлично также и употребленіе формы аориста ἐπηκολούθησε въ выше приведенномъ мѣстѣ изъ біографіи Катона. Формой аориста удостоверяется просто самый фактъ; напротивъ, форма перфекта показываетъ, что результаты даннаго факта на лицо еще и въ настоящее (для Плутарха) время. Въ первомъ случаѣ Плутархъ, упоминая о сочиненіи Фрасеи, скрываетъ скорѣе, чѣмъ разъясняетъ, настоящее положеніе дѣла; во второмъ случаѣ, напротивъ, Плутархъ указываетъ съ удареніемъ на то, что и у него въ рукахъ было сочиненіе Діокла, точно такъ какъ и у Фабія (καί... χη), въ отличіе отъ Діонисія, который черпалъ свои свѣдѣнія изъ Фабія и, слѣдовательно, изъ вторыхъ рукъ, что и желательно было Плутарху подчеркнуть.

Однако возможно ли вообще довѣрять непосредственному знакомству Плутарха съ такимъ, несомнѣнно второстепеннымъ, писателемъ, какъ Діоклъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить слѣдующая характеристика Плутарха, сдѣланная самимъ Г. Петеромъ ¹⁶⁾: „Свои біографіи Плутархъ не основывалъ на сочиненіяхъ великихъ историковъ, дающихъ исторію государствъ, каковы: Ксенофонтъ, Эфоръ, Полибій, Ливій. Напротивъ, Плутарха привлекали преимущественно такія со-

¹⁶⁾ I. с., стр. 1 сл.